

О некоторых аспектах рассмотрения обращений в адрес Конституционного Суда Российской Федерации в предварительном порядке его Секретариатом

В.А. Сивицкий,

заместитель руководителя Секретариата

Конституционного Суда Российской Федерации, кандидат юридических наук

Автор статьи полемизирует с позициями о несоответствии фактической компетенции Секретариата тем полномочиям, которые установлены Законом о Конституционном Суде Российской Федерации. В статье обосновывается, что сложившаяся модель работы с обращениями является наиболее rationalной с точки зрения как гарантий прав и законных интересов заявителя, так и rationalной организации работы самого Суда. При этом она согласуется и с существующим законодательным регулированием.

Ключевые слова: Конституционный Суд, Секретариат Конституционного Суда, подведомственность обращений, допустимость обращений, надлежащий заявитель, определение об отказе в принятии обращения к рассмотрению.

Прежде всего необходимо откровенно признаться: на написание этой статьи автора в известной степени спровоцировала статья «Деятельность Секретариата Конституционного Суда Российской Федерации по рассмотрению жалоб граждан и их объединений: проблемы компетенции» П.Д. Блохина, которую довелось прочитать в качестве члена редакционной коллегии журнала¹: статья безусловно творческая, интересная, искренняя по своему обвиняющему Секретариат Конституционного Суда в превышении полномочий пафосу. Когда и такие молодые, но безусловно подающие надежды авторы, и такие маститые ученые, как А.С. Автономов в статье «Секретариат Конституционного Суда России: фильтр для отсеивания необоснованных жалоб или тормоз конституционного правосудия?»², и целый ряд других авторов, в том числе цитируемых П.Д. Блохиным в его статье, выражают определенные сомнения в компетенции Секретариата Конституционного Суда, полагая, что ее фактическое содержание превышает нормативно установленный объем, возникает острая потребность вмешаться в дискуссию и попытаться представить отдельные тезисы по этой проблематике. Скорее не для того, чтобы убедить кого-то в своей правоте (тут, конечно, любой сможет оправданно утверждать, что движущим фактором статьи является не только научное стремление к истине, но и естественное желание чиновника защитить свое ведомство от претензий!), а хотя бы для того, чтобы показать, что сложившаяся практика не такая уж одномерно неправильная, вернее, для того, чтобы развить аргументацию этой неодномерности, которая,

объективности ради, констатируется и Блохиным, и Автономовым, и рядом других авторов. При этом статья не претендует на то, чтобы дать последовательный ответ на все претензии П.Д. Блохина и других авторов к реализации Секретариатом его компетенции: это, скорее, реплика по отдельным аспектам этой проблемы.

Необходимо отметить также то, что в основном никто из авторов не ставит под сомнение наличие соответствующего полномочия у Секретариата — быть «фильтром обращений». При этом, например, за 2011 год при 19 с небольшим тысячах обращений было принято 30 постановлений и 3 «определения с позитивным содержанием» (О-П) (в начале года, до вступления в силу изменений в Федеральный конституционный закон «О Конституционном Суде Российской Федерации», допустивших рассмотрение дел без проведения слушания).

Полагаем, читатель понимает, что причина этого не в игнорировании обращений, где ставится реальная конституционно-правовая проблема. Если бы это было так, данная несоразмерность количества обращений и выхода в содержательные решения уже давно бы стала притчей во языцах. Но этого ведь нет. Дело в том, что действительно количество обращений, соответствующих всем необходимым для рассмотрения по существу требованиям, достаточно мало.

Связано это с тем, что в общественном сознании Конституционный Суд воспринимается как «последняя надежда» на правосудие (и в ряде случаев — когда неконституционность или неконституционное истолкование нормы действительно

¹ Публикуется в этом же номере журнала.

² Журнал конституционного правосудия. 2009. № 5.

имеются и препятствуют защите прав и законных интересов заявителя в правоприменительных органах — эта надежда оправдывается). В совокупности с низким уровнем правовых знаний значительной части заявителей и нежеланием (а часто и отсутствием возможности) пользоваться услугами адвокатов, кроме как в уголовных делах, и других лиц, имеющих право быть представителями в Конституционном Суде (а также, откровенно говоря, учитывая и неоднородность квалификации указанных лиц в сфере конституционного правосудия), эта последняя надежда объективируется подачей обращений, к конституционно-установленной компетенции Конституционного Суда отношения не имеющих. С учетом, однако, того, что элементарные знания о компетенции Конституционного Суда все-таки распространяются, в последнее время все меньше обращений, которые можно назвать «явно неподведомственными» и в целом не отвечающими иным формальным требованиям. Так, например, нередко в обращениях формально ставится вопрос о проверке конституционности закона, но все содержание жалобы свидетельствует о том, что заявителя интересует оценка правоприменения, а постановка вопроса о нормоконтrole заведомо фиктивна. То есть «процент попадания» обращений в судебную перспективу все равно несоизмеримо меньше по сравнению с судами общей юрисдикции и арбитражными судами.

Это учитывал и законодатель: в иных процессах, кроме конституционного, в Российской Федерации аппарат судов не наделен полномочиями по принятию процессуальных по существу решений. Федеральный конституционный закон «О Конституционном Суде Российской Федерации» (далее — Закон о Конституционном Суде) наделил Секретариат Конституционного Суда соответствующими полномочиями. Уточним, какими.

Согласно статье 40 Закона о Конституционном Суде Секретариат Конституционного Суда в рамках предварительного рассмотрения уведомляет заявителя о несоответствии его обращения установленным требованиям. Принципиальная формулировка: не «отказывает в принятии обращения к рассмотрению», а «уведомляет о несоответствии обращения требованиям! При этом на практике такое уведомление сопровождается указанием, что нужно сделать, чтобы обращение соответствовало установленным требованиям, в том числе с приложением соответствующих выдержек из Федерального конституционного закона.

Идея этой функции состоит в том, что, если конституционная проблема есть, ее постановка должна быть надлежащим образом оформлена. То есть здесь Секретариат Конституционного Суда выступает, по меткому выражению одного из начальников управлений Секретариата, своего рода «повивальной бабкой» конституционной жалобы. Разумеется, прямые подсказки вроде «Вам надо обжаловать вот эту норму как не соответствующую статьям таким-то Конституции» не допускаются.

Заявитель вправе не согласиться с уведомлением Секретариата и обратиться в Конституционный Суд в соответствии с частью второй статьи 40 Закона о Конституционном Суде с требованием о принятии Конституционным Судом решения о соответствии обращения установленным требованиям. Секретариат не может непреодолимо блокировать движение жалобы — закон дает гражданам право на рассмотрение вопроса о судьбе их жалобы судьями. Рассматривая по требованию заявителя такой вопрос, Конституционный Суд фактически осуществляет одну из форм контроля за деятельностью Секретариата.

При этом в случае поступления от заявителя требования о принятии Конституционным Судом решения о соответствии обращения установленным требованиям обеспечивается изучение обращения всеми судьями Конституционного Суда. Затем в ходе заседания ряд проектов не вызывает вопросов, а некоторые порождают иногда длительную дискуссию, которую может инициировать любой из судей и которая в итоге может привести к тому, что обращение принимается к рассмотрению. Дискуссию, подчеркнем, не по существу поставленной заявителем проблемы, а по вопросу о соответствии обращения установленным требованиям, т.е. о возможности принятия обращения к рассмотрению.

Такая модель работы с обращениями имеет очевидное преимущество — у всех судей есть достаточное время для изучения проектов решений. При этом решение о возможности или невозможности принять к рассмотрению жалобу принимается всеми судьями. А любое замечание хотя бы одного судьи из девятнадцати на подготовленный проект определения является основанием для дискуссии по этому вопросу.

Отметим, что нередко заявитель в повторной жалобе устраняет недостатки предыдущей. Причем количество итераций улучшения обращения, если хотя бы попытки такого улучшения есть и имеется конституционная перспектива обращения, а сам заявитель при этом не забегает вперед и не требует, возмущаясь нередко «бюрократами из Секретариата», принятия решения о судьбе жалобы Конституционным Судом, не доведя ее «до кондиции», не ограничено.

Таким образом, Секретариат Конституционного Суда задуман, образно говоря, в качестве «фильтра грубой очистки», который призван отсеивать то, что явно не станет предметом содержательного рассмотрения Конституционным Судом. Фактически по принципу «не ошибается тот, кто ничего не делает» законодательно определенный и реализуемый на практике механизм работы Секретариата Конституционного Суда с обращениями дает двойную возможность исправлять ошибки — как ошибки самого заявителя, который после уведомления Секретариатом о несоответствии требованиям может учсть эти требования и направить обращение повторно, так и промахи Секретариата, если он уведомил о несоответствии требованиям необоснованно.

Нормативно эта модель работы с обращениями выражена следующими правилами, закрепленными Регламентом Конституционного Суда Российской Федерации в редакции, утвержденной 24 января 2011 года:

◆ если обращение не соответствует требованиям Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», о несоблюдении которых Секретариат Конституционного Суда уполномочен уведомить заявителя, сотрудник Секретариата Конституционного Суда уведомляет об этом заявителя (пункт 2 § 23);

◆ если обращение, по мнению соответствующего подразделения Секретариата Конституционного Суда, явно не соответствует иным требованиям Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», то это подразделение, с согласия руководителя Секретариата Конституционного Суда, вправе подготовить проект соответствующего определения Конституционного Суда и передать его на изучение судей и последующее вынесение для рассмотрения в заседании Конституционного Суда (пункт 3 § 23);

◆ если оснований для действий, указанных в пунктах 2 и 3 настоящего параграфа, не имеется, обращение с заключением (справкой) передается руководителю Секретариата Конституционного Суда. Руководитель Секретариата Конституционного Суда передает заключение (справку) Председателю Конституционного Суда для решения вопроса о направлении его судьям (пункт 4 § 23);

◆ в случае если заявитель не согласен с содержащимся в поступившем на его имя уведомлении Секретариата Конституционного Суда выводом о несоответствии обращения требованиям Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации» и требует принятия Конституционным Судом решения по этому вопросу, а также в случаях, предусмотренных пунктом 3 параграфа 23 настоящего Регламента, вопрос о соответствии обращения требованиям Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации» выносится на рассмотрение в заседании Конституционного Суда. При этом не позднее чем за 10 дней до даты заседания всем судьям вручаются для изучения копии выносимых на рассмотрение обращений, приложений к ним, а также проекты определений Конституционного Суда (пункт 1 § 24).

Таким образом, если обращение, по мнению соответствующего подразделения Секретариата, явно не соответствует иным требованиям Закона о Конституционном Суде, кроме таких требований данного Закона, о несоблюдении которых Секретариат уполномочен уведомить заявителя, предполагается подготовка Секретариатом проекта определения и передача его на изучение судей. Отметим, что в предыдущей редакции Регламента эта «развилка» не была прописана так четко. Однако, поскольку требования Закона в этой части не меня-

лись, правоприменительная практика складывалась именно в этом ключе.

У внимательного читателя, тем более уже ознакомившегося со статьей П.Д. Блохина, наверняка, особенно на конкретных приведенных там примерах, возникает вопрос — если нормативно так все гладко, что же получается: Секретариат все-таки превышает полномочия?

Здесь, наверное, имеет смысл пояснить, что требования к форме обращения, прямо указанные в статьях 37–39 Закона о Конституционном Суде (особенно если дотошно попунктно сверять с обращением требования, указанные в статье 37), в жалобах граждан четко соблюдаются редко. Например, наименование и особенно адрес государственного органа, издавшего акт, который подлежит проверке, указывают далеко не все. Точное название, номер, дата принятия, источник опубликования и иные данные о подлежащем проверке акте могут указать, но вот в качестве источника опубликования указать источники опубликования изменений, внесенных в оспариваемую норму, заявители догадываются далеко не всегда. Точно так же как и то, что же такие «конкретные, указанные в настоящем Федеральном конституционном законе основания к рассмотрению обращения Конституционным Судом Российской Федерации». Нередко есть явные проблемы с правовой аргументацией позиции заявителя. И так далее.

Найти же формальную зацепку для однозначно чистого с точки зрения статьи 40 Закона о Конституционном Суде уведомления заявителя о несоответствии его обращения требованиям данного Закона почти всегда можно. Однако в том-то и дело, что задача отказать любыми путями перед Секретариатом не стоит. Поэтому формальные основания отказа, если нет грубых и многочисленных нарушений требований к форме, применяются только в том случае, если в представленной редакции жалоба очевидно не имеет судебной перспективы, в том числе когда у заявителя есть шанс устраниТЬ ее несоответствие установленным требованиям. (Это, конечно, прежде всего относится именно к «отраслевым» управлениям, поскольку отдел по приему граждан и работе с письмами призван быть более формалистичным, но и он не выискивает огнихи в том обращении, которое, по его мнению, в целом соответствует требованиям Закона о Конституционном Суде).

Иными словами, распространены ситуации, когда можно уведомить заявителя о несоответствии жалобы формальным требованиям, но при этом в качестве «попутно сказанного» отметить иные возможные препятствия для принятия обращения к рассмотрению, на самом-то деле являющиеся основными (например, в формулировке «также обращаем Ваше внимание, что»). Например, указать на позиции об отсутствии нарушения прав (со ссылкой на ранее принятые определения Конституционного Суда по этому вопросу), на то, что нет применения в конкретном деле, и так далее. Ведь в существующей модели фактической инстанционности это позволит заявителю, перед вынесением по его требованию вопроса о принятии обращения к

рассмотрению на заседание Конституционного Суда, попытаться, например, аргументировать, что контекст применения нормы, когда ранее принятым определением Конституционного Суда было констатировано отсутствие нарушения ею прав граждан, был иным, а в этом контексте и в системе изменившегося, например, регулирования нарушение имеется, что в конкретном деле имело место применение оспариваемой нормы, и так далее. То есть заявитель увидит слабые стороны своего обращения и улучшит его!

В указанном аспекте «непростительным грехом» не является указание в ответе Секретариата в качестве «попутно сказанного» (но именно и только в таком качестве!), что аналогичное положение уже было предметом рассмотрения Конституционного Суда. Оно вообще не является «грехом», если сделано корректно. Ведь это указание не является юрисдикционным решением, т.е. не порождает само по себе правовые последствия. Но оно может ориентировать как самого заявителя, так и правоприменителя на то, что здесь могут быть применены позиции частей второй или третьей и четвертой статьи 87 Закона о Конституционном Суде. И если суд общей юрисдикции или арбитражный суд достаточно смел, чтобы последовать указанным нормам, это существенно сократит путь полноценной реализации прав заявителя. Но и в ином случае движение по пути, оказавшемуся тупиковым, не будет фатальным, так как Закон о Конституционном Суде не устанавливает пресекательных сроков на обращение в Конституционный Суд с момента вынесения правоприменительного решения, в котором примечена оспариваемая норма.

Кроме того, говоря о пределах компетенции Секретариата при работе с обращениями, необходимо обратить внимание на то, что такое прямо установленное законом основание уведомления заявителя о несоответствии его обращения требованиям Закона о Конституционном Суде Российской Федерации Секретариатом, как «исходит от ненадлежащего органа или лица» (пункт 3 части второй статьи 40 Закона о Конституционном Суде), может пониматься как предоставляемое Секретариату еще более широкие возможности уведомления подателей жалоб о несоответствии таковых требованиям Закона. Причем речь идет в этом смысле именно о жалобах как о самом распространенном виде обращений в Конституционный Суд Российской Федерации. Сразу отговоримся, что такая трактовка не только не является официальной доктриной, но и не применяется на практике. Тем не менее она интересна как иллюстрация того, что в действительности при определенной ее интерпретации вряд ли можно говорить о «превышении полномочий» Секретариата — скорее об их «недоиспользовании».

Итак, согласно статье 96 Закона о Конституционном Суде правом на обращение в Конституцион-

ный Суд с индивидуальной или коллективной жалобой на нарушение конституционных прав и свобод обладают граждане, чьи права и свободы нарушаются законом, примененным в конкретном деле, и объединения граждан, а также иные органы и лица, указанные в федеральном законе. Иными словами, другие граждане и объединения граждан — права которых не нарушаются законом, примененным в конкретном деле, — не обладают правом на обращение в Конституционный Суд. Как представляется, конструкции «не обладает правом на обращение» и «исходит от ненадлежащего органа или лица» лингвистически и содержательно сходны. Да и само название статьи 96 — «Право на обращение в Конституционный Суд Российской Федерации» — показывает, что с помощью ее можно определять «ненадлежащих заявителей» — тех заявителей, у которых нет права на обращение в Конституционный Суд.

Что является критерием ненадлежащего заявителя через призму статьи 96? Во-первых, отсутствие применения нормы в конкретном деле. Это обычно лежит на поверхности и сомнений с точки зрения «подъемности» такого исследования для специалистов Секретариата вызывать не должно. Во-вторых, отсутствие нарушения прав заявителя, что можно усмотреть в двух аспектах. Прежде всего, если именно в конкретном деле очевидно, что права не нарушены (например, из приложенных документов о применении в конкретном деле видно, что, несмотря на промежуточные решения не в пользу заявителя, итоговое было в пользу, и при этом заявитель никак «не пострадал»). В данном случае явно можно признать за специалистами Секретариата возможность такого установления отсутствия нарушения прав.

Другой аспект — когда оспариваемая норма сама по себе не нарушает права. Здесь необходимо привести позицию (на нее ссылается в контексте «нельзя не согласиться с мнением» и П.Д. Блохин), согласно которой для Конституционного Суда «критерием принятия обращения к рассмотрению выступает то, что права и свободы затронуты обжалуемым актом. Нарушаются ли конституционные права и свободы обжалуемым актом, а тем более существует ли конституционно-правовая значимость вопроса, можно установить только в судебном заседании при рассмотрении дела по существу»³.

Все это, возможно, было бы правильно, если бы не то обстоятельство, что норму, которая не «затрагивает» права и свободы (т.е. не регулирует правоотношения, в которых, в том числе, реализуются какие-либо права и свободы), найти — особенно в контексте статьи 2 Конституции Российской Федерации — проблематично. То есть, если следовать этой логике, имея в виду, что больше половины «отказных» определений основано как раз на отсутствии нарушения прав заявителя оспариваемой нормой, в год Конституцион-

³ Марокко Н.А. Определение критерии допустимости жалобы в Конституционный Суд РФ на нарушение конституционных прав и свобод человека и гражданина // СПС «КонсультантПлюс».

ный Суд должен рассматривать по существу порядка тысячи дел (это приблизительная, а по большому счету оптимистическая, заниженная цифра), прямо скажем, без большой перспективы в результате этого рассмотрения улучшить правовое поле и защитить права и свободы граждан. Юридическая чистота, возможно, была бы больше, но практический полезный эффект — с учетом той очереди, которую пришлось бы «отстоять» делам с реальной конституционной проблемой, — меньше. Такой юридический пурпур явно вредил бы эффективности и результативности деятельности Конституционного Суда.

Тем не менее сказанное не надо истолковывать как призыв к тому, чтобы Секретариат решал вопрос о том, нарушены ли права, во всех случаях. Но, наверное, есть случаи, когда он может установить, что права явно не нарушены: когда имеются определения Конституционного Суда, констатирующие отсутствие нарушения прав и свобод этой же нормой, при том что система правового регулирования и правоприменительная практика не претерпели изменения; когда явно видна надуманность обжалования норм как неконституционных (нередки случаи, когда субъект спора или его представители выискивают любые, в том числе весьма надуманные, аргументы, лежащие в плоскости конституционной материи, чтобы поколебать не устраивающее их решение по конкретному делу). Но — еще раз повторимся — и в таких случаях по требованию заявителя последнее слово остается за судьями. В иных случаях наличие или отсутствие нарушения прав вообще могут определять только судьи.

Против трактовки норм статьи 96 Закона о Конституционном Суде как определяющих критерий надлежащего (и соответственно ненадлежащего) заявителя возможно возражение со ссылкой на то, что положения статьи 97 Закона о Конституционном Суде («Допустимость жалобы») в значительной степени дублируют содержание статьи 96. Тем не менее то обстоятельство, что недопустимость жалобы является одним из оснований отказа в принятии обращения к рассмотрению, применяемых самим Конституционным Судом, не исключает возможность применения на стадии Секретариата конструкции «исходит от ненадлежащего органа или лица» в той же логике, в которой соотносятся «явная неподведомственность» (пункт 1 части второй статьи 40) и «неподведомственность» (пункт 1 части первой статьи 43). Но еще раз подчеркнем, это одна из возможных позиций, которая на практике не реализуется.

Может вызвать сомнения — а нормально ли (и легитимно ли), что ряд проектов определений об отказе готовят Секретариат. Это полностью соглашается с компетенцией Секретариата, который, в частности, осуществляет научно-аналитическое, информационно-справочное и иное обеспечение Конституционного Суда, содействует судьям в подготовке дел и иных вопросов к рассмотрению в заседаниях и на совещаниях (статья 111 Закона о Конституционном Суде). Вопрос же о том, принять

проект «отказного» определения либо отправить его на доработку, разрешается в итоге только судьями.

Возможно возражение, что согласно части первой статьи 41 Закона о Конституционном Суде «предварительное изучение обращения судьей (судьями) является обязательной стадией производства в Конституционном Суде Российской Федерации». Но обратите внимание, что сформулировано не в том смысле, что отказать можно только через предварительное изучение судьей (судьями), а именно в том, что является «стадией». Иными словами, вполне возможна интерпретация, согласно которой для «движения вперед» — т.е. принятия к рассмотрению — требуется предварительное изучение в строгом смысле слова. Если же производство прекращается отказом, то передача конкретному судье для предварительного изучения не нужна. В широком же смысле предварительное изучение судьями — всеми — осуществляется не менее десяти дней. Квалифицированное умолчание может рассматриваться как заключение о согласии с изучаемым проектом, а предложение обратить на него внимание и последующее выступление судьи в ходе заседания по принятию определений — также как заключение судьи, изучавшего материалы.

Во всяком случае, как представляется, никто не изложил неопровергимых аргументов в пользу того, что обязательность формального проведения всех «отказных» определений через конкретного судью более цenna, чем экономия времени судьи для решения действительно проблемных вопросов (при том что практика сформировала своеобразную «презумпцию 41», согласно которой при наличии сомнений в сущностной правильности проекта определения вопрос передается на изучение уже конкретного судьи).

Тем не менее давайте попробуем проанализировать, а могла бы работа по отказу в принятии обращений к рассмотрению строиться как-то по-другому. Может быть, есть идеал, к которому надо стремиться?

Предположим, будет законодательно установлено, что обращения (кроме явно не соответствующих очевидным формальным требованиям) передаются судьям, которые единолично рассматривают жалобы и отказывают в принятии к рассмотрению. Безусловно, такой отказ носил бы более авторитетный характер, чем отказ сотрудника Секретариата. Но с другой стороны, статус судьи подразумевает более обстоятельный ответ. Соответственно можно ожидать, что на документ с тем же фактически для заявителя результатом будет потрачено значительно больше времени, чем если бы он был дан сотрудником Секретариата. Не говоря уже о том, насколько ценно время специалиста высочайшего класса — судьи Конституционного Суда: пусть он лучше потратит его на рассмотрение реальной конституционной проблемы. Данная проблема не снимается, а напротив — усугубляется, если предположить, что решение об отказе в принятии к рассмотрению обращений принимается, например, коллегиями из трех судей.

Если же при этом, например, не предусматривать возможность пересмотра решения судьи или коллегии из трех судей об отказе в принятии обращения к рассмотрению составом Конституционного Суда в целом, то это приведет к ухудшению правового положения заявителей и снижению правовой чистоты модели. Во-первых, сам факт принятия окончательного решения неполным составом Конституционного Суда оставляет впечатление некоторой недосказанности. Во-вторых, исчезнет фактически имеющая место сейчас инстанционность: указаны недостатки обращения, заявитель информировано возразил, Конституционный Суд рассмотрел обе позиции и принял окончательное решение. Получится, что у заявителя не останется никакого шанса на изменение ситуации в рамках данного обращения (это в принципе не исключает повторного с новой аргументацией, но нормативное и организационное решение вопроса о судьбе таких повторных обращений требует отдельного рассмотрения).

Так, может быть, следует пойти по пути, чтобы все суждения о несоответствии обращений установленным требованиям (кроме случаев явного несоответствия очевидным формальным требованиям) в принципе выражались — в форме определения об отказе в принятии обращения к рассмотрению — только полным составом Конституционного Суда? Но и сейчас фактически так и есть: окончательное решение — при наличии требования заявителя — принимается именно Конституционным Судом в целом. Но и ответ Секретариата, который в таком случае является предварительным, в этой ситуации

важен как подсказка, как подспорье для заявителя: последний, как отмечалось выше, может скорректировать свое обращение. Отказ от этого этапа взаимодействия с заявителем фактически означает ограничение его прав, лишение его, и так зачастую лишенного квалифицированной юридической помощи, возможности фактической подсказки со стороны Секретариата. Как представляется, идти на это никак нельзя, так как, по существу, это приведет к ухудшению положения заявителя.

Таким образом, та модель деятельности по предварительной работе с обращениями, которая есть сейчас, представляется оптимальной. При этом, как показано выше, именно она и закреплена в Законе о Конституционном Суде. Существующий подход к определению компетенции Секретариата по рассмотрению в предварительном порядке обращений, с одной стороны, учитывает практические потребности, с другой — основан на законодательном регулировании. Он позволяет максимально широким образом помочь заявителю исправить свои ошибки и добиться принятия обращения к рассмотрению Конституционным Судом, а Конституционный Суд имеет возможность исправить упущения и недоработки Секретариата. Это не исключает необходимости совершенствовать данную модель, в том числе посредством более четкого разделения уведомлений заявителя о несоответствии обращения требованиям Закона о Конституционном Суде на «отказано-уведомительную» (в соответствии с частью второй статьи 40 Закона о Конституционном Суде) и «информационную» (о других недостатках) часть).